

УДК 811.511.131'27

Л. Л. Карпова

**ВОПРОСЫ УДМУРТСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. Г. АТАМАНОВА**

В статье рассматривается вклад известного удмуртского ученого М. Г. Атаманова в исследование удмуртских диалектов. Подробно анализируются его научные труды, касающиеся описания отдельных удмуртских диалектов, а также затрагивающие некоторые общие вопросы современной удмуртской диалектологии, в частности, междиалектные явления, межъязыковые контакты, диалектное членение удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, удмуртские диалекты, междиалектные явления, межъязыковые контакты, диалектное членение удмуртского языка.

Михаил Гаврилович – весьма разносторонний ученый-лингвист, чьи интересы не замыкаются в кругу излюбленной темы, но естественно и логично выходят на новые горизонты. Ему присуща особая лингвистическая зоркость, если можно так выразиться, способность увидеть в обычных, простых на первый взгляд, языковых фактах отражение самой природы языка и человека говорящего. Он как ученый принадлежит к довольно редкому типу генераторов идей, которые способны обогатить науку, преобразовать отдельные ее области и открыть широкие перспективы их развития на многие десятилетия вперед. В научном мире М. Г. Атаманов известен, прежде всего, как автор солидных концептуальных трудов по удмуртской ономастике, этногенезу удмуртов, фольклору, этнографии и как переводчик Библии на удмуртский язык.

Велика заслуга юбиляра в исследовании удмуртских диалектов, чему и будет посвящена основная часть моей статьи. Работ, непосредственно касающихся проблем удмуртской диалектологии, не так много, тем не менее, она пронизывает многие его труды, в особенности те, которые написаны с использованием диалектных материалов.

Среди научных изысканий ученого в этой области лингвистики выделяются, с одной стороны, исследования, касающиеся своеобразия отдельных пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка, и, с другой, – работы, затрагивающие некоторые общие вопросы современной удмуртской

диалектологии, в частности, междиалектные явления, диалектное членение удмуртского языка, межъязыковые контакты. Поэтому диапазон научных изысканий М. Г. Атаманова как диалектолога рассмотрим в двух обозначенных аспектах.

Первая работа М. Г. Атаманова из серии диалектологических – статья «Граховские говоры южноудмуртского наречия» [1. С. 45–96], опубликованная в сб. «Материалы по удмуртской диалектологии». Она посвящена описанию особенностей совершенно не обследованных к тому времени удмуртских говоров на крайнем юге Удмуртии – граховских. Работа представляет значительный научный интерес для лингвистики, особенно если учесть тот факт, что говоры собственно южного диалекта до настоящего времени остаются одними из слабоизученных в удмуртской диалектологии. Исключение составляют лишь кырыкмасские говоры, языковые особенности которых освещаются в серии статей В. К. Кельмакова [13. С. 26–61; 14. С. 65–85; 15. С. 137–148].

Опираясь в большей степени на материал родного ему говора, М. Г. Атаманов в названной работе описывает отличительные особенности граховских говоров на фонетическом и морфологическом уровнях. В системе фонетики он указывает, в частности, на такие явления:

1) функционирование фонемы *ы* в трех произносительных вариантах: *ы* – гласный среднего подъема верхнего ряда; *ь* – гласный среднего (средне-нижнего) подъема заднего ряда; *ы́* – гласный верхне-среднего подъема средне-заднего ряда: *кымыс* ~ *кы́мыс* ~ *кьмыс* ‘лоб’, *вийым* ~ *вийы́м* ~ *вийьм* ‘мозг’ [1. С. 46–47];

2) употребление в речи представителей старшего поколения в позиции между или в соседстве с палатальными согласными нефонологического огубленного гласного верхнего подъема передне-среднего ряда *у́*: *күз'ыл'и* ‘муравей’, *с'ус'тыл* ‘свеча’, *жүчы* ‘лиса’ [1. С. 47];

3) сохранение в консонантной системе праудмуртского согласного *η, который в большинстве удмуртских диалектов перешел в *м*, *н* или *н'*: *зыη* ~ *збйη* ~ *збη* ‘запах’, *мэη* ‘родимое пятно’, *чэηон* ‘зоб (у птиц)’, *чаηа* ‘галка’ [1. С. 49] и др.

К специфике говоров в области морфологии автор относит, например, следующие явления:

1) употребление «консонантного» алломорфа *-йос* с основами на финальные гласные *-и*, *-ы* (*-ь*, *-ы́*), то есть сохранение более ранней формы суффикса множественного числа *-йос* имен существительных, например: *нылтийос* ‘дети’, *ад'амийос* ‘люди’, *пынийос* ‘собаки’ [1. С. 51–52];

2) своеобразие в образовании отрицательной формы прошедшего простого I времени, выражающейся в указанных говорах отрицательной формой будущего времени и двукратным повторением усилительной частицы *на*: *уг на из' на* ‘я еще не спал’, *уд на из' на* ‘ты еще не спал’, *уз на из' на* ‘он еще не спал’ [1. С. 52] и др.

Анализируя фонетические, морфологические и лексические особенности граховских говоров, М. Г. Атаманов приходит к заключению, что они не представляют исконного единообразия, особенно – в области фонетики. Тем не менее по своим наиболее характерным чертам указанные говоры входят в состав южноудмуртского наречия.

Завершает статью приложение с транскрибированными текстами образцов речи, которые включают в себя устно-поэтическое творчество граховских

удмуртов: легенды, предания, обрядовые песни, загадки, пословицы, поговорки, довольно полно отражающие своеобразие исследуемых говоров.

Большую ценность для диалектологов представляет статья юбиляра под названием «Образцы речи сибирских удмуртов» [2. С. 131–153], содержащая оригинальные транскрибированные тексты фольклорно-этнографического характера, записанные в удмуртских деревнях Чаинского р-на Томской обл. Материал был зафиксирован в 1974 г. участниками этнографической экспедиции, которая была организована Удмуртским госуниверситетом с целью исследования материальной и духовной культуры удмуртов, проживающих в Сибири, а также вопросов, касающихся времени и места переселения. Экспедицией руководил известный этнограф, доктор исторических наук, проф. В. Е. Владыкин. В составе экспедиции был М. Г. Атаманов, тогда еще студент. Известно, что первые удмуртские поселения возникли в Сибири еще в XIX в. Но, как отмечает М. Г. Атаманов, наибольший размах переселенческое движение приобрело в 1910–1912 гг., вызванное столыпинской аграрной реформой. Среди переселенцев были удмурты из Глазовского, Малмыжского, Сарапульского, Елабужского уездов Вятской губ. [2. С. 131]. Результаты поездки к сибирским удмуртам отчасти освещены в статье юбиляра, опубликованной в сборнике «Образцы речи удмуртского языка» [16]. Расшифровка материала сделана автором с магнитофонной ленты, сохранившей более точную передачу звучания элементов фонетики, грамматики, синтаксиса и лексики. Тексты представляют собой исключительно хороший материал для изучения языкового своеобразия сибирских удмуртов; они насыщены также фольклорной, этнографической, исторической информацией. Как отмечает автор во вступительной части статьи, все три удмуртские деревни Чаинского р-на Томской обл., где зафиксированы приведенные им тексты, заселены в основном выходцами из Сосновской и Шарканской волостей Сарапульского уезда, входящих ныне в состав Шарканского р-на Удмуртской Республики. Язык шарканских удмуртов относится к средневосточным говорам, подробному описанию которых посвящена монография С. К. Бушмакина [12]. В фольклорно-этнографических текстах, записанных от сибирских удмуртов, обнаруживаются многие фонетические и морфологические явления, которым находят параллели в современных средневосточных говорах, в частности:

1) обильное употребление аффрикат в непервом слове в позиции после гласного: *у́жа* ‘работает’, *ва́ээн* ‘раньше’, *чы́чкизы* ‘постригли’, *о́зы* ‘так’. Примеры-предложения: *с'уанэ мыно вал дасо но, кўамыно но, кыз'о но, о́зы сомында ку́за мыно вал*. ‘На свадьбу посылали и десять, и тридцать, и двадцать человек, **так** вот столько шло’ [2. С. 137, 140]; *вож-вож жу́у́салоз воз' вылад ук вож турын*. ‘Зеленым-зелено **взойдут** на лугах зеленые травы’ [2. С. 144];

2) выпадение гласного *ы* в суффиксе показателя инфинитива: *дышэ́тскын* ‘учиться’, *вэс'эл'итса карис'кын* ‘веселиться’, *куран* ‘свататься’. Примеры-предложения: *куран мыныкузы йырду́н с'ото вал ва́ээн но, бо́рыс' о́зы о́з карылэ ни но*. ‘Раньше при сватовстве (‘идя **свататься**’. – Л. К.) давали йырду́н (калым), в наши времена этого уже не делали’ [2. С. 139, 142]; *дышэ́тскыны мыноно ни но, дышэ́тскын но о́з с'отэ: пинал, пэ, воз'mano, чэрсано, пэ, дэра, пэ, куоно, пу вандоно, турын вайоно, кул'то ворттоно шуса*. ‘Пора бы мне в школу, да

учиться не пустили, сказали, надо водиться с детьми, прясть, пилить дрова, готовить сено, возить снопы' [2. С. 134, 136];

3) выпадение конечного гласного основы *-ы* глаголов I спряжения перед суффиксом инфинитива при условии, если в их основе не наличествует сочетание согласных перед *ы*: *тодны* 'знать', *йуны* 'пить', *вал'ны* 'стелить, постелить'. Примеры-предложения: *тачэ умой улонэн ко'т'кызы, вылды, улны можно вал, дыр, но, пэрэс'мис'киз ни тарэ, уг быгатис'кы ни тарэ*. 'При такой хорошей жизни всё, кажется, можно бы **жить**, да старость наступила, уже не могу работать' [2. С. 134, 136–137]; *папамы но отын вис'ны өдйаз, мон, пичи братэ вис'э*. 'Теперь папа **заболел**, заболел я и брат' [2. С. 133, 135];

4) стяжение суффикса настоящего времени и омонимичной формы суффикса возвратных глаголов *-ис'к* в *-к-*: *тотко* 'знаю', *мынко* 'иду', *выркод* 'пытаешься'. Примеры-предложения: *тарэ улком ин, таччы лыктим но, чисто кон'донмы дол-дол тарэ дугдиз мил'ам, одиг н'эмырэ кон'донмы но уг мын ни, макэ со вузамы, сиз'ыл вуим таччы но, н'эма с'иын но ин*. 'Приехали сюда и **живем**, теперь все деньги кончились, ни копейки денег нет; что можно было, продали, раз прибыли сюда осенью, теперь нам и есть нечего' [2. С. 133, 135]; *тарэ ук тоткы ни, кыччы мынны но, ма карны но*. 'Теперь и **не знаю**, что делать, куда ехать' [2. С. 133, 135];

5) морфологическое освоение русских заимствованных глаголов путем присоединения к полной форме инфинитива суффикса *-т-*: *гулат'тим* '(мы) гуляли', *качат'тыса* 'качая'. Примеры-предложения: *ачим но тро-сэти вэт-ли, кўамы-нэти коз'аинэным вэтлим. кот'көчэзэ гинэ аззим, кот'кызы гинэ но гулат'тим*. 'Я сама много раз ездила на свадьбы со своим мужем. Мы участвовали на тридцати свадьбах. Всякую свадьбу видели и всяко **веселились**' [2. С. 138, 140];

6) выражение цели, причины, мотива действия сочетанием существительного в номинативе с послелогом *дурэ* 'за', например: *нырыс'ик пукто эмэспиэз, лыккод кэ молодушка дурэ, сэрэ пукто ин жёк с'оры с'уанйосты гинэ чисто*. 'Когда приезжаешь в дом молодушки ('**за молодушкой**'. – Л. К.), вначале за стол садят жениха, а потом уже других участников свадьбы' [2. С. 138, 140];

7) функционирование послелогов с основой на *дин'-*: *тати лыктис'йос уно вал, отын, отын кыл'эмын шуса, мил'эмды вэраса, мамамы дин'амы лыктис*. 'Здесь проезжало много переселенцев, они ей передали, что мы там остались, и мама, узнав адрес, приехала за нами ('**к нам**'. – Л. К.) [2. С. 133]; *мамалэн с'отэмэз уг кад'поты на но, со бубы луонэлэн кўарэтэмэз потэ кад'ини, што ал'и кэ, пэ, өз быз', сэрэ, пэ, кин суэ кыччы нуоз, кыччы, пэ, быз'ны мэдэ, умой ад'амиос дин'э уг быз'ы бэрэ шуса кўарэтэ*. 'Мама вроде бы еще не желает выдавать, да отчим стал упрекать, что, мол, если сейчас не выйдет, потом кто ее возьмет, за кого она собирается, раз не желает идти **к хорошим людям**' [2. С. 134; 136].

Поистине уникальное сокровище представляет собой изданная в 2005 г. книга юбиляра под названием «Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера» [8]. Наряду с представленными в ней описанием истории родной Старой Игры, песнями, загадками, пословицами, преданиями, микропонимией и др., подробно освещаются диалектные особенности говора жителей Старой Игры,

дается словарь диалектной лексики. Практически весь фольклорно-этнографический материал представлен в книге в транскрибированном виде и с переводом на русский язык. Столь всеобъемлюще: в историческом, экономическом, фольклорно-этнографическом, языковом, топонимическом плане – до настоящего времени ни один удмуртский населенный пункт не был описан, так что книга является своего рода энциклопедией жизни одной удмуртской деревни. В 4-й главе «Говор деревни Старая Игра (Вуж Эгра)» [8. С. 166–231], непосредственно описывающей языковое своеобразие староигринцев, М. Г. Атаманов акцентирует внимание на тех явлениях, которые представляют специфику говора в фонетическом, морфологическом и лексическом отношениях. Лингвистический материал интерпретируется в контексте всего удмуртского диалектного пространства. Довольно подробно описана фонетическая система говора, рассматриваются фонетические процессы в области вокализма и консонантизма. Большой интерес представляет анализ специфических явлений в области словесной акцентуации. Они прослеживаются в некоторых морфологических категориях и разрядах слов, в частности:

1) в отрицательных формах глаголов повелительного наклонения ударение падает на вспомогательный глагол *эн*: *эн мын* ‘не ходи’, *эн мактас’кы* ‘не хвались’, *эн бӧрдэ* ‘не плачьте’ [8. С. 169];

2) в прилагательных с суффиксом *-пыр*, *-пырйэм* ударение фиксируется на предшествующем этим суффиксам слоге: *чырспыр* ‘кисловатый’, *вожпырйэм* ‘зеленоватый; с зеленоватым оттенком’, *кон’ис’у’рпырйэм-горд* ‘красный с розоватым (алым) оттенком’ [8. С. 169];

3) в отнумеральных наречиях, как и в кырыкмасском и кукморском говорах, ударение отмечается на первом слоге: *н’и’л’эт’и* ‘в четырех местах, в четыре места’, *ку’н’эт’и* ‘в трех местах, в три места’ [8. С. 169];

4) в отрицательных местоимениях и местоименных наречиях с приставкой *нӧ-* ударение падает на односложную приставку: *нӧ’кин’* ‘никто’, *нӧ’кытын* ‘нигде’, *нӧ’кызы* ‘никак’ [8. С. 169]; и др.

Из морфологических явлений исследователь отмечает особенности, выявленные по большей части в области знаменательных частей речи. Некоторые из них:

1) сохранение древнего показателя множественного числа существительных *-йос* в словах, когда основа оканчивается на гласные *-и*, *-ы*, *-э*: *ад’амийос* ‘люди’, *мачыйос* ‘кошки’, *бэжэйос* ‘бочки’ [8. С. 175];

2) в словообразовании существительных в староигринском говоре довольно активно функционируют аффиксы *-лык*, *-чи*, *-кай*: *сабырлык* ‘скромность; сдержанность’, *лапкачи* ‘продавец’, *аныкай* ‘маменька, мамочка’ [8. С. 177];

3) в притяжательном склонении в окончаниях имен существительных *-ыс’ты* и в формантах местоимений 1-го и 2-го лица *-эс’ты-*, *-лэс’ты-* инлаутный *-т-* в описываемом говоре замещается согласным *-к-*: *киис’ким* (лит. *кысьтым*) ‘из моей руки’, *мынэс’кым* (лит. *мынэсьтым*) ‘у меня (взять)’, *тынэс’кыд* (лит. *тынэсьтыд*) ‘у тебя (взять)’ [8. С. 176];

4) форма творительного падежа местоимений *ми*, *тӱ* имеет два варианта употребления: *монэн* ~ *монэным* ‘(со) мной’, *тонэн* ~ *тонэныд* ‘(с) тобой’, *мил’эмын* (чаще) и *мил’энымы* (реже) ‘нами’, *тил’эдын* ~ *тил’эныды* ‘вами’ [8. С. 180–181];

5) как и во всей южноудмуртской зоне, в описываемом говоре на месте деепричастного суффикса *-ку* литературного языка функционирует его фонетический вариант *-кы*: *ас гуртам бэртакым, чужмуртийосы, дадаосы доры пырай*. **‘Когда приезжал** (во время поездки) в родную деревню, побывал у родственников по матери и по отцу (‘у дядей по матери и по отцу’) [8. С. 188]; и др.

Словарь диалектной лексики, отражающий лексическое своеобразие старогринского говора, содержит свыше 1100 слов, снабженных русским переводом. Как отмечает автор, из-за ограничения объема в словарь включены лишь те слова, которые отсутствуют в других удмуртских диалектах и литературном языке, либо выступают в ином фонетическом, морфологическом оформлении, либо имеют семантический сдвиг в сравнении с другими диалектами и языками, из которых они заимствованы. Включенные слова отражают не только своеобразие говора, но и этнокультурную, этнографическую специфику описываемой территории. Среди них есть народные обрядовые термины (*акашка н'эргэ* ‘обряд хождения по домам родственников по отцовской линии (патронимии) с угощением на Пасху’ [8. С. 199], *бызэын уй* ‘Пасхальная ночь’ [8. С. 202], *вил'кэнан* ‘соблюдение обрядов и обычаев, наложенных на невесту (напр.: *мало есть, мало разговаривать; много работать; менять ежедневно праздничную одежду; не показывать волосы, голые ноги при домочадцах и др.*)’ [8. С. 203]); наименования предметов крестьянского быта (*с'эндык* ‘клеть для хозяйственных нужд’ [8. С. 224], *магаз'эй* ‘общественный склад, амбар для хранения запасов зерна, семян’ [8. С. 215]). Введение в Словник значительного количества лексики, связанной с хозяйственной и обрядовой деятельностью, традиционными верованиями и представлениями, придает ему этнолингвистическую направленность.

Проблемы современной удмуртской диалектологии затрагиваются в двух публикациях юбиляра. В статье «Бесермянский след в диалектах удмуртского языка» [5. С. 97–106] он обращается к вопросу об этногенезе бесермян, который до настоящего времени в научном мире остается открытым. На примере одной, наиболее характерной для бесермянского языка, фонемы *ь* – гласной среднего подъема заднего ряда – М. Г. Атаманов прослеживает связь бесермянского языка с наречиями, диалектами, говорами удмуртского языка. Данные ее распространения в удмуртском диалектном пространстве показали, что эта специфическая «бесермянская» фонема сохраняется в кукморско-мамадышском и грахово-алнашко-киясовском кустах. В результате сравнительно-сопоставительного анализа фонетики и отчасти лексики бесермянского языка автор приходит к выводу, что они имеют прямые аналоги в южноудмуртских говорах, в первую очередь в языке граховских и кукморских удмуртов. В заключение М. Г. Атаманов отмечает, что для выяснения этногенеза народа, помимо данных лингвистики и этнографии, необходимо изучение археологических памятников. «К сожалению, – продолжает он, – бесермяне, наверное, единственный народ в России, не имеющий привязки ни к одной средневековой, тем более, к древней археологической культуре» [5. С. 104].

Не остались вне внимания автора и вопросы диалектного членения удмуртского языка. В частности, в статье «Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем» [10. С. 26–71] при членении удмуртского

диалектного языка он предлагает учитывать следующие лингвистические критерии: 1) для выделения удмуртских наречий следует, в первую очередь, выбрать самые характерные, широко распространенные морфологические признаки, а также учесть диалектную лексику, ударение и синтаксические различия; 2) для выделения удмуртских диалектов внутри наречий необходимо учесть фонетические, а возможно, и морфологические особенности, диалектную лексику говоров, распространенных на большой территории – района (районов), в бассейнах рек; 3) для выделения одного удмуртского говора достаточно учесть несколько фонетических и лексических особенностей; 4) для выделения подговора может быть достаточным вычленение одной фонетической и нескольких лексических особенностей [10. С. 48].

Помимо лингвистических признаков, при классификации удмуртского диалектного языка М. Г. Атаманов считает необходимым обращаться и к историческому фактору. С учетом лингвистических и исторических факторов он предлагает следующую схему диалектного членения удмуртского языка: 1) **северноудмуртское наречие**, где выделяются нижнечепецкий, верхнечепецкий диалекты и среднечепецкие говоры; 2) **южноудмуртское наречие**, в состав которого входят собственно южноудмуртский диалект, буйско-таньпские и верхнеикский (бавлинский) говоры; 3) **язык бесермян**; 4) **периферийно-южное наречие**, в состав которого входят нижневятский диалект с шошминским и кукморско-мамадышскими говорами. Для определения границ распространения срединных говоров от соседних южноудмуртского и северноудмуртского наречий, по мнению автора, следует обратить внимание на важнейшие языковые признаки, не свойственные другим удмуртским диалектам: 1) употребление аффрикат *č*, *š*, *ž* во всех позициях – в начале, середине и конце слова (*č*су*š*ыт // южн., сев. *š*су*ž*ыт ‘высокий’; *оžы* // южн., сев. *оž’ы*); 2) функционирование усеченных форм глагола: выпадение в глагольных формах I спряжения инлаутных слогов и образование стяженных форм глагола (*тотко* ~ *тотско* ~ *тоско* ~ *точко* // южн. *тодис’ко* ~ *тос’ко*, сев. *тодыс’ко* ~ *тотско* ‘я знаю’); 3) употребление инфинитива с суффиксом *-ны* в усеченной форме (*мынны* // южн. *мыныны* ~ *мынын*, сев. *мыныны* ‘идти’) [10. С. 44–48]. Классификация, предложенная М. Г. Атамановым, как мне представляется, весьма оригинальна и достойна пристального внимания диалектологов.

В отдельную группу исследований диалектологического направления выделим работы М. Г. Атаманова, непосредственно не посвященные диалектологии, но базирующиеся на диалектных источниках. Во многих его статьях, а также в монографиях, затрагивающих проблемы топонимики, этногенеза, языковых контактов, диалекты не являются конкретным объектом исследования, тем не менее эти труды представляют собой серьезный вклад в изучение лексического и частично фонетического, морфологического аспектов удмуртских говоров. В частности, к таким работам можно отнести монографии: «Удмуртская ономастика» [3], «История Удмуртии в географических названиях» [4], «По следам удмуртских воршудов» [6], «От Дондыкара до Урсыгурта» [7], «Происхождение удмуртского народа» [9], «Язык земли удмуртской» [11] и др.

Таков вкратце обзор научных изысканий М. Г. Атаманова в области удмуртской диалектологии, касающихся как описания отдельных пространственно-

структурных единиц удмуртского диалектного языка, так и некоторых общих вопросов и проблем современной удмуртской диалектологии.

Мы, коллеги, друзья, от всей души поздравляем нашего уважаемого и почитаемого Михаила Гавриловича с 70-летним юбилеем и желаем самого важного в жизни – крепкого здоровья и, конечно, творческих успехов и продолжительной активности в дальнейшей научной деятельности.

СОКРАЩЕНИЯ

сев. – северные диалекты удмуртского языка; южн. – южные диалекты удмуртского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.

2. *Атаманов М. Г.* Образцы речи сибирских удмуртов // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 131–153.

3. *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.

4. *Атаманов М. Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.

5. *Атаманов М. Г.* Бесермянский след в диалектах удмуртского языка // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum, Tartu, 7–13.8.2000. Tartu, 2001. P. IV. Dissertationes sectionum: Linguistica I. С. 97–106.

6. *Атаманов М. Г.* По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001. 216 с.

7. *Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.

8. *Атаманов М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох. Эгра кырза, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.

9. *Атаманов М. Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.

10. *Атаманов М. Г.* Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. 2011. С. 26–71.

11. *Атаманов М. Г.* Язык земли удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона = Удмурт музъемлэн аснимъёсыз: Волгаен Урал ёросвыльёсысь интынимъёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам. Ижевск: Ижевская респ. тип., 2015. 976 с.

12. *Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 + [Приложение] 350 с.

13. *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1977. С. 26–61.

14. *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия II // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 65–85.

15. *Кельмаков В. К.* Кырыкмасские говоры III // Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи. Ижевск, 1981. С. 137–148.

16. Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. 176 с.

L. L. Karpova

Issues of the Udmurt dialectology in the researches by M. G. Atamanov

The paper deals with the contribution of well-known Udmurt researcher M. G. Atamanov to studying the Udmurt dialects. The article provides a detailed analysis of the researcher's works describing some of the Udmurt dialects and addressing the issues of the contemporary Udmurt dialectology, such as interdialectal phenomena, interlanguage contacts and dialectal division of the Udmurt language.

Keywords: the Udmurt language, dialectology, Udmurt dialects, interdialectal phenomena, interlanguage contacts, dialectal division of the Udmurt language.

Карпова Людмила Леонидовна,

доктор философии, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: karpovalud@rambler.ru

Karpova Ludmila Leonidovna,

PhD, Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: karpovalud@rambler.ru